

Ромена Августова

В начале было слово

Авторская методика по обучению речи детей с трудностями развития

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Современная психология

Ромена Августова

**В начале было слово. Авторская
методика по обучению речи
детей с трудностями развития**

«Этерна»

2015

Августова Р. Т.

В начале было слово. Авторская методика по обучению речи детей с трудностями развития / Р. Т. Августова — «Этерна», 2015 — (Современная психология)

В книге обобщен многолетний опыт автора по обучению речи детей с различными неврологическими заболеваниями, такими, как синдром Дауна, церебральный паралич, олигофрения, заикание и т. п. Первая ее книга «Говори! Ты это можешь» вышла более десяти лет назад и давно стала библиографической редкостью. Ромена Теодоровна Августова – педагог от Бога. Любовь к ребенку и искреннее желание раскрыть его таланты – вот основа ее метода. У нее непростые ученики, но это не значит, что родителям так называемых «обычных» детей не стоит заглядывать в эту книгу. Еще как стоит! Главное в авторском методе – творческий подход к каждому маленькому человеку, уважение его личности, индивидуальных особенностей. Известный врач и психолог Владимир Леви написал о первом издании автора: «Книгу стоит прочесть всем, у кого есть дети, и каждому, кто только еще собирается стать родителем, каждой матери и отцу. Каждому педагогу. Каждому человеку!» Лучше не скажешь!

Содержание

Обращение к родителям	6
Трудные дети	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ромена Августова
В начале было слово. Авторская
методика по обучению речи
детей с трудностями развития

На обложке использована фотография Е. В. Бацуновой

© Р. Т. Августова, 2015

© ООО «Издательство «Этерна». 2015

Обращение к родителям

В мае 2002 года в московском издательстве «Олимп» вышла моя книга «Говори! Ты это можешь». Речь в ней шла о детях с синдромом Дауна – тех, которые по разработанной мной методике начали заниматься в возрасте трех – трех с половиной лет. В их лексиконе к этому времени имелось не более трех-четырех слов – что-нибудь вроде «мама», «папа», «дай». Некоторые не говорили вовсе. Детей я не отбирала, никаких тестов не проводила, никого не отсеивала.

Все они научились говорить. Те, кого я учила читать, в пять-шесть лет могли читать, а кое-кто годам к семи еще и вполне прилично писал – разумеется, речь идет о тех ребятах, которые занимались регулярно, без значительных перерывов.

Если ребенок, в трехлетнем возрасте произносивший не более трех слов, в восемь лет в состоянии прочесть, понять и пересказать чеховскую «Каштанку», если к этому возрасту он надиктовал две-три общие тетради своих впечатлений от увиденного в музее или по телевизору, если он бойко сочиняет свои собственные маленькие рассказы, то назвать его необучаемым никак нельзя. Результаты, о которых я говорю, зафиксированы мною в авторском фильме «Я приду к вам», в 2006 году на Всероссийском конкурсе документальных фильмов «Встреча» получившем специальную премию жюри.

Мне очень хотелось проследить за интеллектуальным развитием героев книги «Говори! Ты это можешь». Они начали заниматься у меня в дошкольном возрасте, затем пошли в школу, но, к большому сожалению, большинство из них продолжить занятия не смогло: этому помешала их загруженность в школе, расписание школьных уроков и в особенности транспортные проблемы Москвы. А главное – далеко не каждый ребенок способен совместить школьное обучение с какой-либо еще системой и методикой: в школе ученик должен идти совершенно определенным курсом, никакой разнотой планов, сроков, подходов для многих детей уже немислим. Разумеется, занятия с детьми старшего возраста – это другой уровень достижений и проблем. Надеюсь, серьезный разговор об этом нам еще предстоит.

Некоторое время тому назад я начала заниматься с малышами полутора лет: они и ходить-то не умели, и на урок их не привели, а принесли. Особый контингент составили дети с другими диагнозами, обуславливающими нарушения в развитии речи. Занятия оказались и возможными, и содержательными, и интересными, и результативными, они позволили сделать ряд полезных наблюдений и подтвердили всем известную истину: начинать обучение нужно как можно раньше.

Занятия по моей методике – это именно **обучение речи**.

Безусловно, разговор идет не о том, чтобы ребенок с синдромом Дауна заговорил в полутора-два года. Полугодовалый ребенок с синдромом Дауна не сможет сознательно повторять за педагогом ни отдельные слоги, ни тем более слова. Однако сориентировать его на систему, по которой он будет заниматься через полутора-два года, вполне возможно уже в этом возрасте. Мои занятия с таким малышом – это прежде всего основательная подготовка к возможно более раннему началу речевого процесса с одновременным приобретением конкретных знаний, последовательным формированием уже на этом – раннем – этапе четких представлений об окружающем.

Главная моя цель – дальнейшая разработка методики в применении к совсем маленьким детям, а также новые наработки в обучении ребят, занятия с которыми проводятся в более позднем возрасте, – наработки, которыми обязательно обогащается методика с приходом каждого нового ученика.

Как среди обычных детей, так и среди детей с синдромом Дауна есть более способные и те, что обучаются медленнее, есть трудолюбивые, есть и ленивые. Однако если умственное

отставание ребенка не выходит за пределы, являющиеся нормой для данной патологии, то при соблюдении определенных условий – постоянстве в работе, четкой рациональной системе обучения – таких детей можно научить многому. В процессе занятий у ребенка с синдромом Дауна обнаруживаются восприимчивость, интерес к урокам, прекрасная память, формируется привычка к труду, любознательность, усидчивость, потребность познания, отличающие мыслящее существо.

Мне придется не один раз возвращаться к уже сказанному: во-первых, потому что книгу «Говори! Ты это можешь» читали не все, во-вторых, для лучшего усвоения ее основополагающих моментов.

И для начала мне хотелось бы снова и снова поговорить о родителях и с родителями, поскольку без их активной, разумной, последовательной и постоянной помощи в обучении ребенка с синдромом Дауна невозможен по-настоящему значительный результат, которого все мы так желаем.

Со времени выхода книги «Говори! Ты это можешь» прошло несколько лет. Родители, прочитавшие ее и обратившиеся ко мне, подразделяются на две категории. Одни, приступив к занятиям, просят совета, хотели бы что-то уточнить, лучше понять. Это те, которые горят желанием немедленно и самостоятельно, времени даром не теряя, прийти на помощь своему ребенку, личности творческие, преисполненные энтузиазма. Однако довольно часто звучит обращение другого рода: «С интересом прочитала вашу книгу! Возьмите моего ребенка в свою группу!» Эти родители не пробовали и вряд ли попробуют сделать что-то сами, либо, столкнувшись с трудностями – а это неизбежно, – отступят с первых же шагов.

Книгу надо читать внимательно. То, что изложено в ней в нескольких строках небольшого абзаца, иной раз заключает в себе содержание занятий, проводимых на протяжении нескольких месяцев. Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Бегло прочитав такой абзац и не попытавшись по-настоящему в него вникнуть, наскоро совершив две-три попытки усадить ребенка за занятия и наспех попросив его повторить за ней какой-нибудь слог либо слово, нетерпеливая мама звонит мне и сообщает: «Я пробовала делать так, как вы советуете, но что-то ничего не получается». – «А сколько раз вы пробовали?» – «Ну, недели полторы».

На эту тему существует английский анекдот. Иностранец восхищается красотой и ухоженностью английских газонов. «Как вы этого добиваетесь?» – спрашивает он. «Очень просто, – отвечает англичанин. – Стрижем и поливаем, стрижем и поливаем. И так лет триста подряд».

Точно зная, что иду по правильному, не единожды испробованному мной пути, я «пробую» иной раз отнюдь не несколько дней. Все мы знаем – Великая Китайская стена строилась не месяц и не год. Однако же ее построили.

Есть еще одно, часто встречающееся заявление. «Мы занимаемся, но он меня не слушается». Тут я помочь не берусь: научить ребенка слушаться маму и папу я не могу, тем более на расстоянии.

На вопросы родителей я решила отвечать по Интернету. Однако когда мне принялись их задавать, то в большинстве случаев я убеждалась в том, что по поводу очередного такого вопроса уже достаточно подробно высказалась в своей книге – к чему повторять то же самое? В школе дети занимаются по одним и тем же учебникам – одни учатся вполне успешно, другие – плохо, одни стараются докопаться до сути, другие хорошо если наспех перелистают учебник перед уроком. Одному все понятно, другой ничего не понимает, да и не стремится что-нибудь понять. Вынуждена констатировать: встречаются родители, которые в этом смысле мало отличаются от своих детей. Книгу бегло прочитали, ничего в ней не поняли, обвинили в этом не себя, а автора, на том все и закончилось.

И наконец, наиболее распространенная категория. Это те родители, которым хотелось бы получить точную инструкцию, в которой действия педагога были бы четко пронумерованы,

с тем чтобы, не сводя глаз с указателей «направо», «налево», «а теперь прямо», можно было бы повести ребенка по хорошо утрамбованной дороге прогресса, опираясь, как на костыли, на чей-то опыт.

Однако никакая самая разработанная и результативная методика не может дать исчерпывающего ответа на постоянно возникающие все новые и новые вопросы. Методика – не инструкция к электрическому прибору: в методике важна идея, рациональное зерно, основополагающий принцип. Нет и не может быть методик, благодаря которым легко и быстро приходишь к желанному результату. Основные, кардинальные положения методики, которой следуешь, должны выполняться безоговорочно, но к ним следует приложить собственную интуицию, чутье и изобретательность. Каждый новый день и каждый новый ученик ставят перед педагогом очередную проблему, и ее нужно решить способом, о котором, возможно, не сказано ни в одной из ранее прочитанных книг. И если чутье, интуиция, умение, те, которыми обладают пчела или муравей, не даны человеку Господом Богом, они приходят к нему в качестве награды за труд, приобретаются настойчивостью и упорством.

«Но ведь я не специалист» – это заявление пап и мам мне приходилось слышать неоднократно. Окончив музыкально-педагогический институт имени Гнесиных и обучая детей игре на фортепьяно, я мало того что не была специалистом – я вообще, даже смутно, не представляла себе, что такое синдром Дауна, и за всю свою жизнь до этого не встречала людей с этим синдромом. И тем не менее, когда пятилетняя девочка с синдромом Дауна дала мне свою ручку, я поняла, что руку эту я уже не выпущу...

Если бы, начиная свою практику, я стала «подгонять» свои уроки под какую-нибудь из существующих теорий, я неминуемо пошла бы чужим путем, так или иначе внутренне ориентируясь на имеющиеся установки. Ничего хорошего из этого не вышло бы, собственную методику я вряд ли смогла бы создать. А если бы еще и прочитала все то, что пишут иной раз о детях с синдромом Дауна, то, наверное, не приблизилась бы к ним на пушечный выстрел. Но, слава Богу, ничего этого я не знала, а потому смело приступила к делу.

Вникнуть в суть любой теории можно только в том случае, если занимаешься ею на практике. Учиться приходится в первую очередь у самих себя, делая выводы из собственных ошибок и достижений. Любитель-садовод, который из года в год занимается выращиванием цветов у себя на даче, в печатных руководствах по этому делу не особенно нуждается. Он может поделиться с вами множеством полезных наблюдений, которые вычитал вовсе не в книге – собственный опыт обогатил его необходимыми сведениями, нужными знаниями и особым чутьем.

Любое механическое заимствование, безоглядное следование инструкциям уводят с пути собственных творческих открытий. Слепо полагаясь на чей-то авторитет, мы оказываемся в плену у чужого опыта. Плох тот спектакль, в котором певцы не сводят глаз с дирижера. Усвоив опорные, базовые моменты методик, которым доверяешь, надо, тем не менее, чувствовать себя свободным: без этого творчество невозможно.

В своей книге я написала о том, в чем убедилась на собственном опыте, что проверено и испытано мною неоднократно. Прежде всего, дорогие родители, я хотела бы, чтобы моя книга стала побуждением к действию, творчеству, поиску самостоятельного пути. Это не роман, не детектив, который можно просто прочитать и отложить в сторону, с тем чтобы заняться более насущными делами. По ней надо работать, и, работая, вы откроете в себе способности, о которых не подозревали. Своего ребенка вы, родители, знаете лучше кого бы то ни было. И помочь ему должны прежде всего вы сами.

Родители детей с синдромом Дауна или другими особенностями развития – это обычные люди с их достоинствами и недостатками: есть трудолюбивые, есть и ленивые, есть аккуратные и не очень, кто-то приходит на урок минута в минуту, кто-то опаздывает на полчаса. Тем не менее со своими жизненными задачами большинство из них вполне справляется, и до рожде-

ния особого ребенка все шло как у всех: жили, работали и, не слишком задумываясь о каких-либо методах и системах, растили детей. Но вот появился новый, очень непростой член семьи, которого воспитывать надо по-особому. Как? Поскольку нам, родителям, это неизвестно, необходимо найти тех, кто в состоянии этим заняться. Отдадим ребенка в специальный детский сад, затем в школу, там его научат читать, писать, справятся с его отнюдь не безупречным поведением и, приблизив насколько возможно к нормальному уровню, осуществят то, чего мы хотели бы больше всего на свете. Они, учителя, этому обучены, пусть они и занимаются.

Но если ребенок привык бездельничать и ничему не научен, если в домашней обстановке он чувствует себя безнаказанным, что бы ни вытворял, все приобретенные им школьные знания никак не смогут повлиять на образ его жизни и уж тем более ничего не смогут коренным образом изменить. Урок даже с наилучшим педагогом, если он ничем не подкреплён, останется всего лишь эпизодом. Один эпизод, как правило, ничего не решает, все дело в системе хорошо скоординированных совместных действий педагогов и родителей. Если эти действия не выработаны, если образование и воспитание ребенка с синдромом Дауна родители целиком перекладывают на плечи учителей либо вообще пускают на самотек, то как детей, так и их родителей ожидает довольно печальное будущее. Тем более что рано или поздно придется остаться с ребенком один на один, безо всяких педагогов, а ведь учить его нужно всю жизнь. Куда бы вы ни пошли с ним, чем бы ни занимались, во всем и всегда будет присутствовать момент обучения. Вся окружающая жизнь для такого ребенка – одна большая книга. И если эта книга разорвана, если в ней перемешаны или вырваны страницы – что же он сможет из нее извлечь?

Когда мы имеем дело с обычным ребенком, необходимость совместных усилий педагогов и родителей никем не оспаривается. Обычный ребенок способен развиваться самостоятельно, и часто приходится сожалеть скорее о чрезмерности всевозможных педагогических ухищрений со стороны тех, кто имеет отношение к его образованию, чем о недостатке внимания. Помочь такому ребенку справиться с домашним заданием берется иной раз все семейство – от бабушки до тети, хотя чаще всего этого вовсе не требуется, ибо главное, чему мы должны были бы обучить наше чадо, – это как раз самостоятельности. И самый запущенный обычный ребенок, если взяться за него как следует, оказывается в состоянии догнать, а иной раз и перегнать своих сверстников.

Ребенок с синдромом Дауна пропущенного не наверстает. Работа с ним должна вестись основательно, методично, не спеша, никакие авралы здесь невозможны.

Ни один из педагогов не зависит от трудолюбия и добросовестности родителей так, как зависит от этого педагог, обучающий ребенка с патологией. Педагогу нелегко, нелегко вдвойне, поскольку обучать помимо ребенка нужно еще и его родителей – и не только методике.

В каком-то смысле с ребенком проще. Учителю не приходится преодолевать его сомнения, выслушивать разглагольствования по поводу теорий, существующих в мировой практике, обсуждать туманные перспективы, не имеющие отношения к данному моменту. Пусть с трудом, но ребенок идет за вами. Взрослый человек уже так или иначе «подкован» теорией, читался книг, которые полностью вытеснили из его головы его собственные соображения. Родители пробуют то одно, то другое, им кажется, что ребенок топчется на месте, они впадают в панику от того, что вчера малыш как будто бы сделал шаг вперед, а сегодня отступил на два шага назад. Глаголы в разговоре они употребляют только с отрицательной частицей, фиксируя внимание исключительно на том, что у ребенка не получается: не смотрит в книгу, не выговаривает звуки, не понимает, не думает, не слушает. Родителей чрезвычайно трудно отучить от подобного рода констатаций, ибо крошечных сдвигов, тех, которые обусловят прогресс, послужат ключом к дальнейшему продвижению, они либо не замечают, либо не придают им значения. Хватит ли у родителей терпения, не бросят ли они начатое, разрушив то, что скрупулезно, по мельчайшим частицам, создавал педагог?

Мне не хотелось бы обобщать. Среди родителей, безусловно, есть волевые, целеустремленные, одаренные люди и уж во всяком случае нет тех, которые не желали бы своему ребенку добра и не любили бы его всей душой. Но быть при этом педагогом, разумным воспитателем непросто. Очень и очень непросто.

В большинстве случаев, приступив к делу, родители никак не могут добиться от малыша того, чтобы он послушно выполнял их требования. Мама всегда была только мамой, она кормила малыша, поила, дарила игрушки, читала книжки и при этом не ставила никаких условий. Что делать с малышом, который выражает свой протест криком и слезами либо, наоборот, ко всему безучастен и ни на какие уговоры, просьбы и увещевания не поддается?

В подавляющем большинстве даунята упрямы и активно протестуют, когда нарушаются давно сложившиеся правила игры. Далеко не каждый откроет рот и в соответствии с инструкцией мамы, внезапно ставшей педагогом, примется за отработку первых в своей жизни слов – пусть даже за очень желанный и соблазнительный поощрительный приз. К моменту, когда с ребенком стали заниматься, он уже успел приобрести стойкие привычки, отношения с близкими определенным образом сложились, и он не желает уступать завоеванные позиции.

Когда в семье рождается ребенок-инвалид, родители, движимые вполне естественным чувством огромной любви и жалости, окружают его неустанной заботой. Близким по вполне понятным причинам приходится его кормить, одевать, выполняя все то, чего малыш сделать пока не в состоянии. Но в теплой атмосфере ребенок очень быстро привыкает к обслуживанию. Мир для него – это со всех сторон тянущиеся руки, сующие в рот ложку с кашей, натягивающие носки, штаны и свитера, застегивающие пуговицы, молнии и крючки на одежде, оберегающие, выполняющие за него все то, что он сначала не может, а потом и не хочет делать сам. Привыкают к этому и сами взрослые. Родителями движет бессознательное желание уберечь, помочь, подхватить, в любую минуту прийти на помощь. Воля ребенка парализована с самого начала, безволие и пассивность становятся нормой его поведения. Инерция таких взаимоотношений сохраняется надолго, гораздо дольше, чем это требуется на самом деле.

Родители заглушают все доводы рассудка, подсказывающего, что жалость должна быть разумной, что нельзя во всем потакать ребенку. И даже в том случае, когда подросший малыш начинает проявлять инициативу, родители очень часто подавляют его желание сделать что-то самостоятельно. Им некогда, в доме полно дел, вечная спешка, бесконечный круг забот. Обучать ребенка нет ни времени, ни терпения.

К делу приступает педагог. И ученик его, этот не умеющий говорить человек, отнюдь не *tabula rasa*. В эту табулу уже глубоко впитались определенные привычки, в чем мы имеем возможность убедиться на первых же уроках.

С семилетним Костиком я занимаюсь у него дома. Костик с увлечением перебирает логопедические карточки, рассматривает картинки в книжке. Но вот урок окончен, бабушка наливает нам чай, ставит на стол вазочку с вареньем. С улицы приходит мама Костики, снимает в коридоре сапоги, направляется к нам.

Костик берет со стола чашку с горячим чаем, идет в коридор и выливает чай в мамин сапог. И пока мама с воплями выливает воду из одного сапога, мальчик льет чай в другой сапог – уже из моей чашки. Все это он проделывает не спеша, спокойно, не опасаясь возмездия. И воду льет он в сапоги, а не себе на голову. По части подобного рода выдумок Костик необыкновенно изобретателен.

Попробуйте теперь представить себе последствия такого поступка, если бы подобный фокус проделал шестилетний Костикин брат, поведение которого тоже не является образцом, но который, тем не менее, прекрасно понимает, что подобного безобразия ему не простят.

Костик вечно крутился у плиты, наблюдая за тем, как няня чистит овощи, жарит рыбу, готовит салат, режет хлеб. Его можно было бы обучить накрывать на стол, убирать и мыть за

собой посуду. Однако сметливость мальчика постоянно была направлена только на то, чтобы сыграть хорошенькую шуточку с кем-нибудь из домашних: насыпать в чай соль, вылить суп из тарелки на пол... Ничто никем не осуждалось, не преследовалось, не наказывалось. Убирали, подтирали, этим все и ограничивалось.

Как-то раз няня Костика два с половиной часа просидела с ним в подвале, поскольку Костик ни за что не хотел покинуть это мрачное помещение. Однако меня Костик в подвал не приглашает, пробовал, но ничего из этого не вышло, так как я с первого же раза категорически отказалась составить ему компанию, объяснив раз и навсегда, что в подвале мне делать нечего.

Любой ребенок прекрасно чувствует, когда слово «нет» говорится всерьез, а когда можно ныть, хныкать, орать дурным голосом и топтать ногами, чтобы в конце концов добиться своего. Хорошо зная, что мое «нет» непреклонно, Костик в пререкания не вступает: никаких воплей не издает, за руку к погребу не тащит. И совсем другое дело Костиковы родные, у них можно вытребовать все что угодно.

С самого начала и мама, и няня, и бабушка шли у Костика на поводу, в глубине души, возможно, даже не отдавая себе в этом отчета, они считали, что раз ребенок у них не такой, как все, то ничего тут не поделаешь: не может он вести себя нормально. Приходится, конечно, нервничать и раздражаться, ругать – и только. Не виноват он, что таким уродился.

Нам предстоит обучать ребенка речи. Он будет именно учиться говорить, совершая для этого волевые усилия – по многу раз повторять отдельные слоги, объединять их в слова, добиваться четкого произношения отдельных звуков. Все это очень непросто. И если воля ребенка не развита, если к труду и дисциплине он не привык, то как он будет эти усилия совершать? С течением времени Костик, возможно, поутихнет, но заставить его выполнять разумные требования родные все равно будут не в состоянии. Взяв такую власть над своими близкими, Костик вряд ли захочет под их руководством преодолевать какие-либо трудности. Взаимоотношения с родными определенным образом сложились, стереотип поведения полностью сформировался.

Ребенок не должен сидеть в четырех стенах своей квартиры: вам совсем не хочется, чтобы некая невидимая стена отделяла его от окружающих. Он должен выработать навыки общения, научиться подчинять себя определенным правилам, как же иначе?

Продукт семейного воспитания приводят в детский сад – учите! Здесь игрушки общие, нужно делиться, нельзя драться, играй с другими детьми, учись так же, как все дети, рисовать, наклеивать аппликации из цветной бумаги на картон, готовя подарок маме. Утренники, елки, хороводы, не стой в сторонке, все дети танцуют, дай ручку этому малышу, ведь у тебя уже завелись маленькие приятели. В детском саду имеются логопед, музыкальный руководитель. Все это очень хорошо. Если особый ребенок не будет чересчур агрессивен и усвоит некий кодекс поведения, ребята примут его в свою среду, а хорошие умные воспитатели помогут ему адаптироваться. А если нет?

Интеграция, интеграция, интеграция... Последнее время мы все чаще и чаще слышим это слово. Отдадим ребенка с синдромом Дауна в малыштовую группу детского сада, желательнее его поступление в нормальную школу, короче говоря, речь идет том, что в нормальной среде он займет свое законное место. И детский сад – это только начало. Впереди долгие годы неустанного труда, ведь отстаять свое право на место в социуме человек с синдромом Дауна сможет только в том случае, если это право он завоеует. И ему, и его родным – к сожалению, к большому сожалению – приходится всю жизнь за это право бороться.

Время упускать нельзя. Пока ребенок маленький, все как будто бы не так страшно. Маленький ребенок всегда пользуется симпатией и расположением окружающих, ребенку все прощается. Мы любим его таким, какой он есть. Ну, не говорит. Ну, плохо себя ведет. Но он такой симпатичный, забавный, он все равно самый дорогой и самый лучший. Даст Бог, выправится.

Но вот он уже подросток, вот вполне взрослый человек. Скрывать его недостатки становится все труднее. То, чего он не умеет, не знает, не понимает, становится все более очевидным. Поступки вашего сына или дочери все чаще вызывают не только недоумение, но и осуждение посторонних людей – в лучшем случае снисходительную жалость. Будущее, о котором вы старались не думать, утешая себя всевозможными иллюзиями, стало настоящим. Все, чего вы в свое время не сделали, жестоко мстит за себя.

Далеко не все родители способны мужественно пережить шок от рождения ребенка с патологией. Тревога за будущее малыша омрачает все житейские радости. Очень многие специалисты подливают масло в огонь, и чего только не приходится иной раз выслушивать даже от друзей и родственников. Так что же делать?

Прежде всего, взяться за самих себя. Разве может неорганизованный, неуверенный в себе, сомневающийся человек добиваться от ребенка неукоснительного выполнения своих требований, доводить дело до конца? Разве сможет вечно раздраженная мать терпеливо объяснить непонятное? Как можно требовать от ребенка аккуратности, если неаккуратны вы сами?

«Вы не представляете, что у нас творится дома! Содом и гоморра!» – заявляет мне мать шестилетнего мальчика. Мальчик сидит на диване в разных носках – один носок красный, другой зеленый, – легко себе представить, в какой спешке его одевали. На урок они явились с сорокаминутным опозданием, книжки, которые я им дала на дом, не взяли, рабочую тетрадь забыли, и я записываю очередное задание на листочках, которые, конечно, тут же будут потеряны. Между тем ребенок в семье один, и ребенок этот очень хочет учиться.

На каждом шагу мы внушаем ребенку, что взрослые всегда и все делают так, как надо. И поэтому их слово – закон, и сами они – образец для подражания. Но ребенок не слепой. Он видит, что мы, взрослые, отнюдь не всегда ведем себя образцово, – и вера в правильность того, что мы ему говорим, подорвана так же, как непрерываемость нашего авторитета.

Природа вложила в нас разные задатки, создала непохожими друг на друга. Меланхолик не станет холериком, как бы ни старался. Не требуйте от себя невозможного и все-таки попытайтесь стать немного другими, приобрести необходимые качества, ибо ваши обстоятельства требуют от вас целеустремленности, трудолюбия, огромного терпения, постоянства в осуществлении своей цели.

Безусловно, упрекать родителей в недостаточной любви к своему малышу не приходится. Все помыслы, все усилия семьи направлены на то, чтобы обеспечить ребенку-инвалиду нормальное существование на белом свете. Научить говорить, научить читать, научить думать, преодолеть врожденный дефект – на это надеются, этого страстно желают. Как в любой другой семье, каждый занят своим делом: отец работает, добывая средства к существованию, бабушка обед готовит, дед с внуком гуляет. На мать возложена ответственная задача ездить с малышом на занятия и между стиркой, уборкой и хождением в магазин выкраивать свободные полчаса, чтобы сесть с ним за стол и выполнить домашнее задание. Но ведь задача заключается не в том, чтобы, отгородившись от всего на свете, ребенок выводил свои первые буквы или решал арифметические задачи. Мы учим его ориентироваться в окружающем мире – самом обычном, для всех, кроме него, доступном. И если и папа, и бабушка, и дедушка будут в курсе того, чем занимается ребенок на уроке, то на ходу, не отрываясь от дел, они помогут ему – каждый по-своему. Дедушка, гуляя с внуком по лесу, не только не пройдет мимо муравейника, но специально отыщет его, чтобы показать ребенку. Он обратит его внимание на стук дятла, вдвоем они постараются разглядеть в ветвях эту пеструю трудолюбивую птичку. На уроке как раз шла речь о муравьях и дятлах – санитарах леса, только птицы в доме учительницы не летают и муравьи не ползают, там их можно разве что на картинке увидеть. Такой аспект работы доступен каждому из тех, кто ходит с ребенком на прогулку в парк, летом живет с ним на даче и т. д.

От родителей, приехавших на консультацию, часто приходится слышать: «У вас тут и музеи, и галереи, а что мы можем показать ребенку в провинции, где-нибудь в небольшом

городишке, а то и в селе?» Очень многое. Поблизости от вас природа, а это источник неисчерпаемый. Я помню, как мой двенадцатилетний племянник поздно вечером стал лихорадочно собираться к своему приятелю: «Они купили цыплят для дачи, завтра они их увезут, а я никогда цыпляток не видел». У вас и куры, и цыплятки, и огороды, луну можно ребенку показать, звезды – в городе их не увидишь.

В лесу можно не просто погулять, походить по бревну, покачаться на какой-нибудь ветке, побегать по травке. Можно понаблюдать за птичками, постоять у муравейника, поискать дупла, в которые прячутся белки, набрать шишек и желудей. На даче ребенку можно поручить ухаживать за цветами, кормить домашних животных. Любовь к природе может стать прибежищем и местом приложения творческих сил для любого человека – для ребенка с синдромом Дауна в том числе.

Маленьких детей я учу не только любви – еще и **уважению** к природе. Учю осторожно обходить воробьев и голубей, клюющих зерно на дороге, хоть и понятно всем, что обижаться на бесцеремонное обращение им несвойственно. Лично я никогда не сгоню кота с дивана, я вежливо перенесу его на другое место, я не могу грубо прогнать собаку, которая прицепилась ко мне и уже минут двадцать бежит рядом – мне перед ней неудобно. Маленьким детям свойственно любить животных: вот малыш порывается погладить незнакомого кота, вот сидит на дороге и составляет две половинки червя – авось половинки срастутся и снова будет нормальный здоровый червь... Куда все девается?

В небольшом прибалтийском городке верующие отмечали церковный праздник. Церковь стояла на высоком холме. Взрослые заполнили храм, а ребяташки резвились, бегая вверх и вниз по горке. Два мальчика лет восьми собирали грибы, я им помогала. К нам присоединился еще один мальчик с дедушкой, они последовали нашему примеру. Сбор каждого «гриболова» был невелик: по одной-две сыроежки, кому-то попался масленок, мне шампиньон. «Я часто сюда хожу собирать грибы, – сказал один из мальчиков. – Моя бабушка берет сковородку и жарит их или варит суп: у нас есть такая кастрюлечка игрушечная. И потом мы едим». В это время подъехала машина, из нее выглянула молодая дама. Мальчик с дедушкой направились к автомобилю. «А это что за дрянь?» – строго спросила дама. «Это я собрал грибы, их можно варить», – ответил мальчик. «Выброси сейчас же! Тащишь в машину всякий мусор!»

О каком «уважении к природе» можно говорить, если мы не уважаем интересы собственного ребенка? Стараемся ли мы вникнуть в хрупкий, очень тонкий мир его желаний и представлений? Не с нашей ли помощью все разрушается? Отстранили раз, оттолкнули еще раз, затем недоумеваем и возмущаемся, когда, став подростком, ребенок начинает изо всех сил упрямо и, с нашей точки зрения, неразумно и необоснованно защищать свой мир от вторжения, предпочитая пребывать в нем в гордом одиночестве.

Ребенок с синдромом Дауна особенно нуждается в участии, а вернее сказать – в соучастии, в сотворчестве, тесном контакте со всеми без исключения окружающими его людьми. «Я с вами не пойду гулять, вы скучно ходите», – заявляет пятилетний Ваня родителям. Родители работают, и все, что связано с образованием Вани, поручено бабушке и дедушке. Бабушка и дедушка очень настойчивые, трудолюбивые и надежные люди, им вполне можно доверять. И бабушка, и дедушка, и папа, и мама, и тетя – это хорошая, крепкая семья, где Ваню все любят. Он не сирота. Он всегда опрятен, хорошо одет, редко болеет. Ваня никогда не пропускал занятий, несмотря на то что ездил очень издалека. Все как будто шло хорошо и более того – прекрасно. Ваня очень рано научился читать, еще в дошкольном возрасте увлеченно смотрел по телевидению образовательные передачи, совсем маленький диктовал дедушке свои впечатления об этих передачах: общих тетрадей с записями за несколько лет накопилось немало. Я была очень довольна и Ваней, и тем, как занимались с ним бабушка и дедушка. У каждого человека должна быть сфера интересов – любимые книги, любимые телепередачи, много чего.

В течение долгого времени кропотливо, скрупулезно, настойчиво мы с бабушкой и бабушкой Вани создавали эту самую «сферу интересов».

Для чего все это было? Когда Ване исполнилось пятнадцать лет, он переехал к родителям, и как только это произошло, Ваня перестал ездить на уроки. Кончился просмотр передач, прекратились записи в общих тетрадях. За все эти годы ни папа, ни мама ни разу ни на одном уроке не побывали, ни разу не позвонили, ни о чем не спросили.

Но ведь жить в дальнейшем Ване придется с родителями, и к нему – способному, развитому, трудолюбивому – им нужно будет искать свой особый ключ, знать, как с ним – не с ребенком, а взрослым человеком – быть дальше, как не дать ему остановиться в развитии. Пути к этому должны быть проложены многолетней, каждодневной личной практикой, очень тесным, разумным, целенаправленным взаимодействием родителей и с ним самим, и с теми, кто взял на себя основной труд по его воспитанию и обучению.

Если вся семья будет знать, что это за игра в «последнее слово» или в «расскажи все, что знаешь», то дорога в парикмахерскую или магазин ни папе, ни маме, ни ребенку не покажется скучной. Сведения, которые ребенок почерпнул на уроке из книжек, можно дополнить живыми впечатлениями, сделать это на ходу, но при этом – целенаправленно. Конечно, окружающие сообщают ребенку все новую и новую информацию о том, что он видит вокруг, но – вразнобой, информация эта разрозненна, отрывочна, ни с чем не связана. И совсем другое дело, если мы, педагоги и родители, сообщаем выстраиваем некую общую, цельную, совокупную картину, все элементы которой сопряжены друг с другом.

Чем подкрепляется то, что имеет непосредственное отношение к изучаемому предмету? Кругозор ребенка надо расширять, это всем известно. Ребенок растет, зоопарк он, конечно, посетил, цирк и кукольный театр тоже. А Исторический музей, Бородинскую панораму, Оружейную палату? Ему уже девять лет, он живет в Москве, но его ни разу не водили на Красную площадь. «Мы как-то пошли, но ему это было неинтересно...» Возможно. Если он не подготовлен, то да, неинтересно. А если подготовлен?

Мне не один раз приходилось наблюдать за тем, как ребенок с синдромом Дауна, его мама и папа проводят время где-нибудь в парке. Всякий раз картина одна и та же: ребенку купили мороженое, он прокатился на пони, с пони пересел на качели, затем на карусели – это все. Вокруг растут деревья, летают птицы, трава зеленеет. Где здесь береза, а где дуб? Как ты это узнал? Вот сосна, а вот елка – какая между ними разница? Из земли торчат вывороченные корни – что такое корни, для чего они нужны растению? Сорвал цветок – тоже корешки в земле остались. Что теперь будет с цветком? Нельзя изучать жизнь природы исключительно по карточкам и картинкам в книжке. Обычному ребенку мы постоянно что-то объясняем – на ходу, невзначай, не слишком углубляясь в суть предмета, и ему этого достаточно. Ребенку с синдромом Дауна такие пояснения тем более необходимы. Его нужно учить наблюдательности, интересу к окружающим его явлениям.

Безусловно, не следует превращать прогулку в какой-то нудный урок, в «обязаловку», бесконечно что-то изучая – дома, в школе, в лесу, на море. Не злоупотребляйте этим, но и не упускайте подходящего случая уточнить и расширить уже имеющиеся представления. И конечно, ребенок должен быть подготовлен к подобного рода беседам, ибо с бухты-барахты мы ничего не должны делать – ни с маленьким ребенком, ни с ребенком постарше.

Мы уже читали «Снежную королеву», там речь шла о кривом зеркале. Оно разбилось, и осколок попал в глаз мальчику. На улице курортного городка в день моего отъезда выставили три больших кривых зеркала. Пусть ребенок, мой ученик с синдромом Дауна, с кем-нибудь из родных сходит на соседнюю улицу и собственными глазами увидит, что это за зеркала: сделать это сама я уже не успеваю. Думаете, сходили? Нет.

Не сходили в Москве и в зоологический музей, где широко представлены всевозможные мамонты и динозавры. Поражаясь гигантскому размеру, мы рассматривали их на карточках,

смотрели мультфильм «Ледниковый период» – разве этого достаточно? Все вместе – дети, я и родители – съездили в Третьяковскую галерею, провели там три часа, много чего посмотрели. Прошло пять лет, «подвиг» этот никто не повторил.

Недавно я смотрела по телевидению очень интересные передачи: «Остров пингвинов», «Зимнее чудо Страны восходящего солнца», любимый Ванин сериал «Обезьяны-воришки» и еще более любимый «Подводная одиссея команды Кусто». Интересно, как там Ваня? Жаль, что нельзя обсудить с ним увиденное. И очень жаль, что я не научила его покупать и просматривать телепрограмму, самостоятельно отбирая то, что ему хотелось бы посмотреть.

Дети с синдромом Дауна, да и другими синдромами, эмоциональны, артистичны, у них очень хороший музыкальный слух. Они равнодушны к красоте, восприимчивы к каким-то особым, тонким вибрациям мира, чутко улавливают настроения окружающих их людей. Как в любом ребенке, в них нужно поддерживать все то, что делает душу душой, – пусть они слушают музыку, изучают живопись, общаются с природой. Усилия педагогов, родителей, воспитателей по их развитию должны быть совместными. И мне еще и еще раз хочется напомнить, что, когда речь идет об обучении и воспитании ребенка с проблемами развития, триада «родители, ученик и учитель» должна быть неразрывной. Только в этом случае возможен надежный, прочный успех.

Трудные дети

Я назвала эту главу «Трудные дети», хотя легких детей среди нашего с вами контингента не бывает. И наиболее трудную категорию среди детей с синдромом Дауна составляют дети, у которых синдрому Дауна сопутствует аутизм. Если обычный дауночек так или иначе, в большей или меньшей степени, способен к саморазвитию, то аутичный ребенок без активнейшего нашего вмешательства не обойдется.

Есть еще категория трудных детей, никаких не аутистов, напротив – абсолютно расторможенных, не знающих никакого удержу. Внимание их перескакивает с предмета на предмет, они что-то хватают, тут же бросают, в книге лихорадочно взад-вперед переворачивают страницы. Их невозможно привлечь ни картинкой, ни рассказом, карточки они сметают со стола. Рядом с таким малышом тут же, на коврике может находиться очень спокойный, послушный, вполне заинтересованный в занятиях ребенок, у которого недостаток один, но зато очень существенный: ему уже давным-давно пора заговорить, но он не произносит даже слово «мама».

С них, с этих ребят, с их приобщения к занятиям я и хочу начать изложение своей системы.

«В шесть лет мой сын, мальчик с синдромом Дауна, не произносил ни единого слова, речи не понимал совсем. Поведение было неадекватным. Что вещи имеют названия, не понимал. Показать, где мама, где сестра, где братья, не мог», – свидетельствует мать Саркиса А. Заметим, кстати, что Саркис был так называемым мозаиком.¹

У Ани тоже синдром Дауна, ей почти 4 года. Она ползает по дивану, одну за другой сбрасывает на пол диванные подушки, затем встает, пытаясь сорвать со стены градусник и фотографию в рамке. Ее внимание привлекают часы, шнурок от настольной лампы. Громкими криками Аня выражает свое неудовольствие, когда ее пытаются усадить на место и отнимают трубку телефона, которую Аня успела схватить, несмотря на наш с мамой бдительный контроль.

Шестилетний Ростислав вообще ни на что внимания не обращает, лежит, держа в руках деревянный брусок, который непрестанно крутит, поворачивая то так, то эдак. С небольшими вариациями он выводит одну и ту же тягучую мелодию, на лице его блуждает неопределенная улыбка.

А вот на урок пришел пятилетний Боря. Послушно лезет на диван, усаживается на нем, в руках у него игрушечная машинка, которую он вверх колесами кладет на стол. Я машину переворачиваю, но оказывается, делать этого не следует: машина должна лежать именно вверх колесами и никак иначе.

Боря очень красивый мальчик, личико у него прелестное. Это не просто ребенок, ежедневно радующий нас вполне предсказуемыми достижениями: вот встал на ножки, вот пошел, вот сказал свое первое слово. Он – особенный, его всему надо учить. Как учить, как добиться взаимодействия с ним? На карточки он не смотрит, в книжку не глядит, взор его погружен в себя, он полностью отстранен от происходящего вокруг. Как всякий ребенок, удовлетворяя свою потребность в движении и ощущениях, он стремится чем-то активно манипулировать, что-то бросать, двигать, тащить, растягивать. Он бесконечно что-то крутит, вертит, чем-то стучит, часами рвет на мелкие кусочки газету, кружится и кружится на одном месте.

Из множества окружающих его предметов выбрав один-единственный, освоив с этим предметом какое-либо действие, аутичный ребенок целиком на нем сосредоточивается: Юра целый день ходит, прижимая к груди игрушечный рояль, назойливо названивающий одну и ту же набившую оскомину надоедливую мелодию, Артем не выпускает из рук длинную ложку,

---

¹ Мозаик – организм, имеющий в клетках разные наборы хромосом, например половина клеток имеет 46, а половина 47 хромосом. Мозаики составляют около 2 % среди людей с синдромом Дауна. – *Прим. ред.*

которой мама мешает варенье, Даня [не путать с Даниэлем! – Р. А.] непрерывно листает толстый журнал – дойдет до конца и начинает сначала. Расширить сферу своих действий они не стремятся, чувствуют себя вполне комфортно и хотят только одного – чтобы им не мешали.

Как будут развиваться эти дети? Иной раз трудно определить перспективу даже в том случае, когда малыш достаточно сообразителен, листает книжки, любит свои игрушки. Заговорить-то он заговорит, но когда? Будет ли говорить чисто или нам предстоит долгая и изнурительная работа по исправлению дефектов его произношения? Ведь даже живой, любознательный, инициативный ребенок иной раз начинает говорить значительно позже, чем его куда менее бойкий сверстник, и, возможно, нам долго придется биться с каждой его согласной, с каждым новым слогом. Такое тоже бывает. Что же в таком случае можно сказать о перспективах ребенка, который не понимает наших слов, не может выполнить ни единой, самой элементарной, просьбы и абсолютно безучастен к чему бы то ни было?

Никаких готовых рецептов в данном случае существовать не может. Ибо методика обучения, какой бы прекрасной она ни была, – это не сеть, которую можно набросить на любого малыша, с тем чтобы он неукоснительно следовал по предначертанному нами пути. Что из уже имеющихся наработок окажется все-таки приемлемым, а что придется заново изобретать?

Ребенок не может справиться с тем, что вы ему предлагаете? Ну, так и не предлагайте привычный шаблон – это не для него. Педагог объявляет ребенка ни к чему не годным? Но ведь и сам педагог иной раз беспомощен, не в состоянии выйти за раз и навсегда усвоенные, привычные пределы и использует то, что давным-давно за него придумали другие. То, что эти другие придумали, может быть, прекрасно, но не для данного случая.

Безусловно, решение сложных задач требует от педагога очень больших усилий. И, к большой нашей печали, есть дети, патология которых несовместима не только с каким бы то ни было обучением, но иной раз даже и с жизнью. Однако гораздо чаще нам приходится иметь дело с очень как будто бы трудными детьми, которые учиться, тем не менее, могут и вообще могут многое, и это многое, вся их дальнейшая биография зависит от нас с вами, его родителей и педагогов.

Если речь идет об обычном ребенке с синдромом Дауна, чей диагноз не слишком отягощен дополнительно, то здесь все обстоит гораздо проще: даже полуторагодовалых малышек удастся без особого принуждения вовлечь в процесс обучения. Они и книжки любят, и слова запоминают (только что сказать их пока не могут), и картинки с удовольствием рассматривают. Но что нам делать с детьми вроде Ани, Юры, Ростислава и Бориса? Покупаем развивающие игры, схемы, таблицы, всевозможные подборки, пробуем то одно, то другое, обучаем ребенка манипулировать кружочками, колечками, кубиками, продевать в дырки шнурки, удочкой с магнитом вылавливать рыбок и т. д. Через некоторое время все это богатство оседает на полках либо валяется где попало: то здесь, то там находим фишки, буквы, цифры, выметаем из-под диванов фломастеры, разрозненные детали мозаик и пазлов.

Мы не отступаем: вновь и вновь сооружаем из кубиков нехитрые постройки, нанизываем на палочку колечки, играем с мячом и машинкой. И безусловно, проделывая все это вместе с нами, ребенок что-то осваивает и чему-то учится. Однако подлинным взаимодействием такое наше соучастие в игре назвать нельзя. Действия должны быть именно взаимными: я дам тебе машинку, а ты дай мне мячик, ты дашь мне коробочку со спичками, а я зажгу тебе свечку, и т. д. Когда речь идет о нормальном ребенке, такое взаимодействие кажется нам естественным, само собой разумеющимся: он и спички даст, и за свечами сходит, и воду самостоятельно нальет в игрушечную ванночку. Но представьте себе мальчика, способного часами включать и выключать электрический свет, неустанно нажимая на выключатель либо требуя этого от вас. Больше всего на свете он любит всякого рода огоньки, как зачарованный смотрит на тлеющие в камине угли, и вам приходится без конца чиркать спичкой, зажигая и затем задувая свечи. Мальчик не терпит в этом ни малейшего промедления и яростно сопротивляется попыткам переключить

его внимание на что-либо другое. Такой ребенок будет бушевать, сметая игрушки и книжки, которые вы разложили на столе в надежде заинтересовать его чем-то помимо огоньков.

Где та невидимая ниточка, за которую нужно ухватиться, чтобы размотать весь клубок? Как найти подход к ребенку, чье развитие существенно отстает от развития его сверстников-даунят? **Только ребенок, только он сам может подсказать нам, с чего начать, как действовать. Наблюдение над ним приобретает особое значение, ибо самые, казалось бы, незначительные жест, взгляд, предпочтение какой-либо игрушки могут оказаться тем ключом, при помощи которого со скрипом и скрежетом ларчик начнет открываться.**

Замечательному музыканту, выдающемуся педагогу, скрипачу Столярскому достаточно было посидеть на лавочке возле детской песочницы, чтобы, наблюдая за детьми, не проверяя ни слуха, ни ритма, ни музыкальной памяти, ни чего бы то ни было еще, по каким-то признакам, которые он и сам, вероятно, не смог бы назвать, безошибочно определить, кому из детей следовало бы учиться в музыкальной школе, да не в обычной, а специальной – в школе для особо одаренных детей.

Конечно, речь в данном случае идет не о детях с синдромом Дауна, и, конечно, не каждый из нас Столярский: далеко не всем даны прирожденное чутье, сверхтонкая интуиция и вообще то, что называется «божьим даром». Но ведь многому можно научиться. Дорогие родители, учите ли вы наблюдать, анализировать, делать выводы? Педагогом за один день не станешь, однако ваш малыш постоянно перед вами, ни обучающий его педагог, ни врач не имеют такой возможности наблюдать за его поведением, за реакцией на окружающее, какой располагаете вы. Пользуетесь ли вы своим преимуществом?

Что явится лучом, внезапно прорезающим тьму? Что он все-таки любит? Какими предметами предпочитает манипулировать? Может быть, любит музыку? Книга лежит перед ним вверх ногами, однако мультики он смотрит, хоть и по-своему: ему нравятся мелькающие, быстро сменяющие друг друга кадры, а иной раз его совершенно завораживает неторопливо падающий на экране снег. И мы всегда знаем, какой эпизод он выделяет и готов смотреть множество раз.

На что ребенок реагирует? Какое событие возбудило его интерес и запечатлелось в памяти? Кому как не родителям это должно быть известно лучше всего?

Войдя в комнату, аутичный мальчик Петя застывает у стены, пристально вглядываясь в висящую на гвоздике игрушку: это звенящие металлические трубочки, между которыми подвешен на ниточке крохотный дельфин. Оказывается, не так давно мальчика водили в дельфинарий – и вот пожалуйста, заметил и распознал. Честно говоря, сама я все это время принимала дельфина за самолетик: принесли откуда-то, вглядываться не стала, повесила на стенку – и все.

Любимой и, собственно говоря, единственной книжкой аутичного мальчика Юры А.,² которую он вообще признавал, была та, где иллюстрациями к незамысловатому, в две-три строчки, тексту служили большие, цветные, во всю страницу, фотографии.

Одна из иллюстраций пользовалась исключительным Юриным вниманием. Книгу он постоянно открывал на одном и том же месте. Приглядевшись к фотографии, мы с Юриной мамой поняли, в чем причина такого интереса. На ней был изображен коридор, в точности такой же, как в Юриной квартире, – та же планировка, точно такая же мебель, точно так же расставленные вешалка, шкаф, небольшой комод. Даже предметы, стоящие на комод, соответствовали тем, что находились на комод в коридоре у Юры.

Крупно выведя печатными буквами слова «мама», «бабушка», «Ромена», «читать», «гулять», «песенки петь» на больших листах бумаги, мы с Юриной мамой развесили эти пла-

---

² Юры у меня два: один Юра А., другой Юра Щ., два Коли и два Вани – Ваня-рыжик, младший, и Ваня А., старший, тот, о котором я писала в книге «Говори! Ты это можешь».

каты по всей квартире. Я не учила Юру читать (подобную систему я вообще никогда не использую), но, как оказалось, в данном случае попала в точку. Мы приучали Юру, «отвечая» на вопрос, показывать пальцем на соответствующее слово.

Кто будет петь Юре песенку? – Мама. Кто будет Юру кормить? – Бабушка. Кто будет Юре книжки читать? – Ромена. Дело шло ни шатко ни валко, мы водили Юриным пальцем по строчкам, совсем не уверенные в том, что он понимает, чего от него хотят.

Как-то раз к Юриным родителям пришли друзья. К их посещению Юра остался равнодушен, но когда гости собрались уходить, мальчик тоже стал рваться на улицу. Капризничал, кричал, но было уже поздно, и родители на Юрины капризы не поддавались. В отчаянии Юра рванулся к висевшему в коридоре плакату и энергично, уверенно, безо всякой подсказки ткнул пальцем в слово «гулять».

Борис тащит родителей к качелям во дворе, Глеб обожает гимнастические упражнения, прыгает на батуте, висит вниз головой в руках у папы, Юра прикипел душой к одной и той же страничке в книге. Бывают еще любители одной и той же рекламы, кое-кто выхватывает один-единственный эпизод из мультфильма, оставаясь глухо-равнодушным ко всему прочему. Попробуем заинтересовать ребенка картинкой, на которой изображено то, что по каким-то никому не ведомым причинам он выделил и предпочитает. Это должны быть не просто хорошо знакомые ситуации. Ребенок тысячу раз видел, как бабушка варит суп, мама закладывает в стиральную машину белье, папа предается своему любимому занятию – разбирает рыболовные снасти, однако никакой радости узнавания, глядя на картинки с подобным сюжетом, он не испытывает. Здесь важно попасть в точку.

Задача эта непростая хотя бы потому, что для того, чтобы найти подходящую картинку, нужно иметь очень большой запас карточек. А кроме того, педагог должен иметь представление о том, что окружает ребенка в быту, что происходит в его жизни.

Я знаю, что в доме у Андрея живет большой зеленый попугай, что в его комнате недавно соорудили шведскую стенку, что во дворе у Костики затеяли строительство, Петя побывал в дельфинарии, а Юра с мамой провели лето на берегу моря.

Соответственно каждому конкретному случаю я подбираю подходящие сюжеты. Вот попугаи на ветках и в клетках, вот дети плещутся в море, вот качели, песочница, дельфины прыгают через обруч, мальчик кубики расшвырял.

Как бы ни были хороши тщательно подобранные, красочные, разноцветные, разнообразные карточки, это отнюдь не означает, что ребенок тут же заинтересуется ими. Он может какое-то время полностью их игнорировать, смотреть и не видеть того, что, с вашей точки зрения, должно его непременно привлечь. Ребенок бросает на карточки беглый, мгновенно ускользающий взгляд – и это все. Бывает и хуже: он может активно, чтобы не сказать – яростно, протестовать против всяких попыток заинтересовать его: отворачивается, сметает карточки со стола и т. д. Он не видит того, что на них нарисовано, точно так же, как, просидев три часа в гостях, мы не можем вспомнить, какие занавески висели в комнате на окнах у наших знакомых, а уж об обоях на стенах и говорить нечего. Ибо **увидеть** означает **вглядеться** и **осознать**.

Категорически не признавал поначалу карточек Юра Щ., вовсе не аутист, напротив – активный, любознательный, наблюдательный и сообразительный ребенок. Он расшвыривал их во все стороны, а если забывал это делать, то, спохватившись, вызывающе глядя на меня, размахивался с особым шиком, от плеча – и карточки, точно птицы, разлетались по всей комнате.

Чей характер окажется сильнее? Мой. И я не отступаю; картинки как бы ненароком то и дело возникают перед моим учеником на обеденном столе, над кроватью, в ящике с игрушками, я в беспорядке разбрасываю их на ковре, ребенок их разгребает, перекладывает, освобождая место для других игрушек, и т. д.

Перебрав множество вариантов, приучая ребенка к тому, что карточки постоянно оказываются в поле его зрения, в конце концов добиваюсь желанного результата – ребенок все чаще, все дольше и все осмысленнее останавливает на них свой взор.

Буйство Юры Щ. продолжалось до тех пор, пока на глаза ему не попала карточка, на которой были изображены синие в клеточку чайники и две чашки – всем хорошо известные изделия Санкт-Петербургского фарфорового завода. Как оказалось, точно такие же чашки стояли в серванте у Юры дома. Вот тут Юра понял, что на карточках, помимо знакомых чашек, можно обнаружить еще кое-что, и стал к ним приглядываться. Мама часто водила двухлетнего Юру в церковь, и я подложила к карточкам маленький календарик с изображением иконы Божьей Матери. С календариком в руках Юра сначала застыл, затем стал креститься по какой-то одному ему понятной схеме и кланялся, кланялся, кланялся...

Побывав с мамой в Иордании, Юра узнал на карточке водопад, закрыл уши, зашипел, изображая шум воды, и сделал испуганное лицо – показал, как он испугался этого самого водопада, когда впервые увидел его.

Дети мало того что привыкают к показам и рассказам по карточкам – без карточек не обходится ни одно занятие: по собственной инициативе дети с них начинают и ими же заканчивают урок, в особенности тогда, когда сами начинают говорить. В каких еще случаях я использую карточки, какими они должны быть, сколько их потребуется (немерено!), как их изготавливать – разговор об этом нам еще предстоит.

Манипуляции с карточками становятся для ребенка постоянным занятием, к которому он привык и без которого уже не обходится. У меня не было ни одного ученика, которого я не смогла бы вывести на эту первую ступень своей методики, не заинтересовала бы тем, что изображено на предлагаемых ему картинках, количество которых постепенно увеличивается. Теперь ребенок готов подолгу рассматривать карточки, любимые выискивает: не успеешь оглянуться, как он уже вытащил и вытряхнул коробку или папки с моей коллекцией, так как подглядел, где они находятся.

Карточки шестилетнего Андрея домашние держали на шкафу и доставали оттуда только тогда, когда приступали к занятиям. Когда мы начали заниматься, ребенок был глух и нем, ни к чему интереса не проявлял, зато умел с необычайной быстротой и ловкостью, стоило только на секунду отвернуться, залезть под стол и втиснуться там в узкую щель между тремя ящиками с книгами и игрушками. После чего, словно какой-нибудь Гудини, из этой щели выскальзывал.

Как-то вечером Андрей сел на диван, долго смотрел на находящийся вне пределов досягаемости пакет с карточками и наконец отчетливо, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал: «Дай!» Затем мы услышали от него непонятное слово «аш», которое Андрей повторял, глядя на игральную карту. Означало это «Саша»: так зовут его старшего брата, большого любителя игры в преферанс.

А когда няня положила на тарелку Андрея блин, Андрей потребовал добавку: «Бим!» Все это может показаться незначительным только тому, кто не знает, что такое работа с такими детьми, как Андрей.

Придя на урок и первым делом вытряхнув на диван карточки, Андрей принимается их сортировать, и я легко могу определить, по какому признаку он это делает. Его действия совсем не похожи на бесконечное верчение перед глазами какой-нибудь палочки, ложечки, веревочки, на те механические манипуляции, которым он целыми часами предавался раньше.

Андрей большой любитель экзотических животных. Львы оказываются у него в одной кучке, тигры в другой, слоны в третьей. Он безошибочно относит к львам львицу с детенышами, несмотря на существенную разницу в их облике. Леопардов Андрей не признает, пытается засунуть их куда-нибудь подальше. Мы с ним уже учимся произносить отдельные слоги. И если раньше поощрительными призами служили маленькие сухарики, то теперь за каждый сказанный слог Андрей получает карточку. Всякий раз он бросает на картинку острый вни-

материнский взгляд – определяет, стоит ли стараться, и если карточка не в его вкусе, никаких слогов вы от него не добьетесь.

Ребенок разбирает картинки, по-своему их сортирует, не нуждаясь, однако, в том, чтобы разделить с вами это удовольствие. Он по-прежнему независим и самодостаточен – отнюдь не в лучшем смысле этого слова. И хотя на пути прогресса сделан очень важный шаг, это совсем не означает, что, перейдя некий рубеж, он начнет с легкостью осваивать все то, чему вы хотите его обучить.

Я раскладываю на столе все, чем мы собираемся заниматься: свечи, спички, две-три игрушки, кусочек мыла, парочку ложек и деревянный брусок с высверленными в нем кружочками – это наш подсвечник. Детям очень нравится пламя свечей, которые я шумно задуваю, но прежде, чем я зажгу, а затем задую свечку, ребенок должен дать мне совершенно определенный предмет – ложечку, машинку, кусочек мыла и т. д.

Рассчитывать на то, что малыш незамедлительно выполнит просьбу, поначалу не приходится. Во-первых, он может просто не понимать, чего от него хотят, либо понимает, но полностью игнорирует. Во-вторых, он не научился еще сосредоточивать внимание и, совершая осознанное волевое усилие, притормаживать непосредственный импульс: малышу желательно, чтобы поскорее зажглась свеча, при чем здесь кусочек мыла, коробочка спичек, ложка, которые перед ним разложили? Коробок со спичками еще туда-сюда, он уже приметил, что без спичек свечка не зажжется, но все остальное? Досадная помеха, не более того. Ребенок упрямится, хнычет, хватает и дает что попало. Выбрать всего из двух игрушек нужную – задача для него непростая. Мы помогаем ему сделать это, направляя его руку (через некоторое время руку отпускаем). Сначала мы прощаем ему ошибки, добиваясь хотя бы выполнения команды «дай». Дай что угодно, только дай! Начать он может и с одного предмета, но затем будем настаивать на том, чтобы он именно **выбрал из двух предметов** тот, который у него просят.

Количество предметов постепенно (очень постепенно) увеличивается, и как только ребенок начинает путаться, немедленно убираем лишнее. А еще через некоторое время мы просим его дать нам не просто машинку, а «красную машинку», «красный шарик», «красную рыбку», из двух ложек выбрать большую либо маленькую и т. д. Спешить здесь тоже не следует.

Главное на начальном этапе – приучить ребенка выполнять, условно говоря, «команду». Слово это может показаться не совсем подходящим и, более того неприятным, как неприятен всякий диктат. Но будем помнить, что мы имеем дело с аутичным малышом, который зачастую действует как некий одушевленный механизм. Круг осмысленных представлений у него крайне узок, ему легче воспринять краткий приказ, а не распространенную просьбу. Поэтому – не будьте многословны.

Ребенок не сразу подчиняется установленному вами порядку, четкая система взаимных действий не скоро становится само собой разумеющейся. Первое, что он должен усвоить, – это то, что он не один, вас двое и существуете вы не только для того, чтобы его обслуживать, незамедлительно выполняя его желания. Вы должны убедить малыша в том, что вам не жаль для него никаких усилий, что и фонарик, и свечку вы согласны зажигать, гасить и снова зажигать тысячу раз – но только в том случае, если и он сделает что-то по вашему требованию. Все должно быть по справедливости: партнерство – равноценным, уступки – взаимными. Игрушку ребенок берет, а не просто хватает, и не потому, что она ему понравилась, а потому, что одно без другого не существует: он дает мне то, что я у него прошу, и тогда я зажигаю свечу. Последовательность эта обязательна, совершенно определена.

Направляя Анину ручку и приговаривая: «Сюда, сюда вставляем свечку, вот так», я приучаю Аню самостоятельно вставлять свечу в отверстие брусочка. Свечек у нас столько же, сколько отверстий, – четыре, три желтые, одна зеленая. Желтые свечки всегда занимали три первые дырочки, зеленая оказывалась в четвертой. Через несколько занятий Аня уверенно

берет зеленую свечку, переворачивает ее так, чтобы фитилек оказался сверху, зажигает о соседнюю – так же, как это делаю я, когда не нахожу спичек, – и ставит на нужное место. Ребенок, который два месяца только и делал, что плясал по дивану, кричал и разбрасывал игрушки, оказался очень наблюдательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.